

Янина Жеймо

Длинный путь
от барабанщицы в цирке
до Золушки в кино

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

МОСКВА 2020

УДК 791.635

ББК 85.374

Ж48

В авторской редакции

Жеймо Я.

Ж48 Длинный путь от барабанщицы в цирке до Золушки в кино / Янина Жеймо. — М.: Альпина нон-фикшн, 2020. — 280 с.

ISBN 978-5-00139-191-3

В почти уже бесклассовом обществе строителей коммунизма каждая школьница, как ни парадоксально, мечтала стать принцессой. Именно так вознаграждались трудолюбие и доброта в сказке Шарля Перро и в ее советской киноверсии. И вера в светлое будущее и торжество справедливости приходила в каждый дом в образе ясноглазой и белокурой Янины Жеймо, сыгравшей роль Золушки. Более 70 лет фильм не сходит с экранов, его продолжают смотреть и любить все новые поколения девочек... А какой жизненный путь прошла сама актриса? К счастью, Янина Болеславовна успела написать воспоминания, обнаружив в придачу к артистическому таланту отличную память и литературный дар. Ей не было еще трех лет, когда она начала работать в цирке, а в пятнадцать она уже снималась в кино. В удивительных подробностях раскрывается не только судьба яркой личности, но и сама история того времени.

УДК 791.635

ББК 85.374

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

© Жеймо Я. Б., наследники, 2020

© Издание, оформление.

ISBN 978-5-00139-191-3

ООО «Альпина нон-фикшн», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Небольшое пояснение (Я. А. Костричкина)	5
Детство. Цирк	7
Эстрада.....	77
ФЭКС	81
Еще немного — и немой экран заговорит.....	105
«Моя Родина»	113
«Песня о счастье»	121
«Разбудите Леночку»	127
«Горячие денечки»	139
«Подруги»	145
«Леночка и виноград»	163
«Шел солдат с фронта»	169
«Доктор Калюжный»	183
«Приключения Корзинкиной»	193
Война	197
Черная полоса	221
Я стала странной	223
«Золушка»	239
Новая профессия	251
Театр-студия киноактера.....	259
Жизнь в Польше (Я. А. Костричкина).....	275

НЕБОЛЬШОЕ ПОЯСНЕНИЕ

Эта книга — воспоминания актрисы Янины Болеславовны Жеймо, моей мамы. Возможно, многие уже не помнят ее фамилии, но «Золушку», фильм, вышедший на экраны больше семидесяти лет назад, смотрели — и смотрят до сих пор — чуть ли не шесть поколений детей.

Судьба у моей мамы сложилась не совсем обычно. Собственно, все началось с моего прадедушки, Вацлава. Это он круто изменил судьбу нашего рода. Его отец был известным и уважаемым в городе врачом. Правда, что это был за город и где он находился, я не знаю: в свое время не поинтересовалась, а теперь уже спросить не у кого. Да это и не так важно. Родители моего прадеда были уверены, что Вацлав пойдет по стопам отца и тоже станет врачом, но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает.

В их город неожиданно приехал на гастроли цирк. Естественно, это стало большим событием. Родители купили любимому сыну билет. Мальчишка (собственно, он уже был подростком лет четырнадцати-пятнадцати) буквально влюбился в цирк. Он подружился со сверстником, который там работал, и тот проводил его без билета на каждое представление. Недели через две-три цирк уехал. А вместе с ним... уехал и мой прадедушка.

Вот так Вацлав стал не врачом, а артистом цирка. И он сам, и его дети, и его внуки... В том числе и моя мама.

Теперь можно перейти к маминым воспоминаниям.

Я. А. Костричкина

Работать в цирке я начала в два года и восемь месяцев, сниматься в кино — когда мне было около пятнадцати, а теперь мне идет восьмой десяток. Как говорится, есть что вспомнить. Поэтому в один прекрасный день я села, взяла бумагу, ручку и начала писать...

ДЕТСТВО. ЦИРК

Мама надела на меня синюю бархатную шубку, а поверх — кружевной кремовый воротник и подвела к зеркалу:

— Ну вот и сбылась твоя мечта. Ты рада?

Я взглянула в зеркало и замерла от счастья — Элина синяя шубка теперь моя!

А мама подошла к столу, на котором стояла большая круглая коробка, открыла крышку и, пошуршав мягкой тонкой бумагой, вынула что-то белое и пушистое, как снег за окном. Поманив пальцем мою старшую сестричку Элю, она надела на нее это «что-то», оказавшееся новой шубкой.

Но четырехлетняя Эля не выразила никакого восторга. Молча шагнула к зеркалу и внимательно себя оглядела. А потом так посмотрела на меня, что на моих глазах тут же выступили слезы.

— Стыдно, стыдно завидовать, — быстро сказала мама. Я не знала, что значит «завидовать», но подумала: «Если хочется плакать и очень обидно — это, наверное, и есть “завидовать”». А Эля отвернулась.

— Нам пора, — торопила мама.

Мы вышли на улицу. Там было темно, светили только далекие тусклые фонари да окна домов, и снег казался мне голубым.

— Я пойду первая, за мной Эля, а уж за ней ты, — говорила мама, — только смотри внимательно под ноги и ступай в наши следы, а то наберешь снегу в валенки.

А я и так смотрела в землю — мне все еще хотелось плакать. Глядя вниз, я видела ямки, которые оставляли в снегу мама и Эля, да черные Элины валенки, мелькавшие на белом фоне. Проходя мимо фонаря, я подняла голову и вдруг забыла, что только что «за-ви-до-ва-ла»: снежные пушинки медленно летали в воздухе, и это было так красиво, что я остановилась.

— Янечка! Беги быстрее! Опоздаем! — крикнула мама.

В местном клубе устраивался благотворительный концерт, и по просьбе организаторов мы с Элей должны были на нем выступить. Исполнить танец матчиш*...

Мы подошли к огромному, как мне тогда показалось, дому с очень широкой лестницей, и мама остановилась.

— Я возьму тебя за левую руку, а Эля — за правую, — сказала она, — чтобы помочь тебе подняться по лестнице. Неудобно ведь балерине ехать у мамы на руках, правда?

Я утвердительно кивнула, хотя мне очень хотелось на руки — я ужасно устала, пока шла за мамой и Элей, стараясь попадать в глубокие ямки, которые оставались за ними в снегу...

Через фойе, где было очень много народу, мама повела нас в глубь дома. Мы оказались в просторной комнате, там стоял длинный стол. Мама посадила меня на него и стала стаскивать валенки.

— Ну вот, я так и знала: ноги мокрые, — и она сняла чулки тоже. Потом мама нас передела и завязала огромные банты «бабочкой».

* Матчиш (машийше) — бразильский городской парный танец, а также музыкальный жанр, известный как «бразильское танго».

Шесть Жеймо

— Как только услышите аккорд, — прошептала она, — сразу бегите на сцену. Сделайте реверанс публике (публика там, где светятся лампочки, за рампой) и начинайте танцевать.

Не успела мама закончить фразу, как мы услышали, что кто-то бурно забренчал на рояле. Эля схватила меня за руку, и мы выбежали на сцену. Я замерла... Дело в том, что на сцену я попала впервые. Это в цирке я чувствовала себя как дома, потому что чуть ли не с самого моего рождения родители приносили меня на ежедневные репетиции своих номеров. С детьми на репетиции приходили все артисты цирка. Те из детей, кто уже держался на ногах, подбегали к репетирующим взрослым и с интересом наблюдали за их работой. Очень часто кто-нибудь из артистов учил желающих ребятишек своему мастерству. А несколько дней назад я начала работать как полноправный артист в одном из наших семейных номеров, который назывался «Му-

зыкальные эксцентрики». Я играла на барабане. Так вот, в цирке я всегда видела публику вокруг всей арены в полном освещении кренгельских ламп. А здесь, на сцене, передо мной горела рампа, а за ней была яма, черная, страшная яма. Там глухо дышал какой-то огромный зверь.

— Танцуй! — строго приказала Эля.

По ходу танца нужно было стать спиной к залу, но это было выше моих сил, и, вывернув голову, я продолжала смотреть на «яму». Стоя в такой позе, я, естественно, потеряла равновесие и растянулась на полу. Из «ямы» раздался жуткий хохот. Я лежала, крепко зажмурив глаза.

— Почему ты не встаешь? — громко шипела Эля.

— Там зверь!

— Какой зверь? Где?! — Эля старалась перекрыть хохочущую публику.

— Ну там! В яме! — не открывая глаз, я показала рукой назад.

Эля наконец поняла.

— Там не яма. Там сидит публика, как в цирке. Просто со сцены ее не видно.

А публика не унималась и по-прежнему хохотала, но уже не так страшно.

— Вставай! — сердито сказала Эля, подняла меня, отрянула мое платье и поправила бант. Мы снова начали танцевать...

Успех был огромный. И немудрено — младшей балерине было всего два года и восемь месяцев.

Публика очень любила цирковую пантомиму «Китайский праздник». Она начиналась с китайского базара. На манеже — всевозможные ларьки с игрушками, фонариками, масками... Выступают фокусники, акробаты, жонглеры... Расхаживают богато одетые китайцы, китайки носят на спине

грудных младенцев, выезжают рикши и, пробежав по арене круг, мчатся на конюшню. И здесь же — дети артистов. Они раньше не выступали, только репетировали свои номера вместе с родителями, но вот на этом базаре впервые пробуют свои силы. Если начинающий акробат вдруг упадет, а маленький жонглер не сможет поймать шарик, в суматохе никто не обратит на это внимания и можно до бесконечности повторять неудавшийся трюк.

Мы с Элей, как и все дети цирковых артистов, любили принимать участие в «Китайском празднике». Как-то раз меня нарядили в костюм китайского мальчика, а волосы заплели в косичку, которая начиналась от макушки. Выбежав на арену и держась за папину руку, я смотрела на ларьки, на артистов... Но тут папа неожиданно поднял меня и поставил себе на плечи. Он немного походил со мной по базару и остановился.

— Не шевелись! — крикнул папа и отпустил мои руки.

— Ап! — руки снова тянутся ко мне, и я, схватившись за них, замираю в не слишком изящной позе.

— А теперь встань мне на голову!

Очень осторожно я сначала ставлю на папину голову одну ногу, потом другую...

— Ап! — я хлопаю в ладошки и раскидываю руки, как крылья. А папа, отпустив мои ноги, тоже расставил руки и, балансируя, что-то говорит мне. Но, кроме шума манежа, я ничего не слышу. От яркого освещения, от множества разноцветных предметов и людей мне радостно, как на новогоднем празднике.

Через несколько дней дедушка, посадив меня и Элю к себе на колени, спросил:

— Хотите, чтобы на следующем дневном представлении все дети весело смеялись?

— Хотим! — дружно ответили мы.

— В начале представления мы с вами будем делать антре* с пузырями! — объявил дедушка.

Цирк во время дневного представления напоминает улей, полный пчел. Весь он гудит от маленьких зрителей.

Вот грянул оркестр, и представление началось. Мы с Элей — в стареньких, заслуженных, переходящих из поколения в поколение клоунских костюмах. В руках у нас по надутому свиному пузырю. На арену выходит клоун, это наш дед. Он несет стул. Оркестр умолк, и дедушка объявляет зрителям, что сейчас он продемонстрирует трюк невероятной сложности. Держась одной рукой за спинку стула, а другой за сиденье, он на счет «три» встанет на руки вверх ногами, в чем сейчас убедится почтеннейшая публика. Нагнувшись над стулом, он готовится считать. И тут мама берет меня за руку, а Павлуша, папин брат, берет Элю. Незаметно они подводят нас к барьеру и прячут за него.

— Ра-аз... Два-а... — считает дед.

Мы с Элей выскакиваем из своего укрытия, подбегаем к дедушке и, не дав ему произнести «три», с размаху ударяем пузырями пониже спины. Клоун чуть не падает, он напуган до полусмерти, мы мчимся обратно и прячемся за барьер. Клоун выпрямляется, со страхом и недоумением смотрит на зрителей, которые хохочут и визжат от восторга. Никого поблизости не обнаружив, он вновь приступает к исполнению номера. И снова при счете «раз... два...» мы подбегаем к деду, с треском лупим его пузырями и бежим прятаться за барьер.

Клоун медленно выпрямляется, теперь во взгляде его изумление и ярость. Он подходит к барьеру и в упор строго смотрит на мальчика в первом ряду.

* Антре (от фр. *entrée* — вход, вступление) — вид цирковой драматургии, сюжетная разговорная или пантомимическая сценка, исполняемая клоунами.

— Это не он! Не он! — дружно кричат дети. С сомнением покачав головой, дедушка поднимает руку, призывая к тишине.

Зрители сразу успокаиваются, и, погрозив мальчику пальцем, дед решительно направляется на середину манежа. Громко вздохнув, он становится в ту же позицию и в третий раз начинает считать:

— Раз... Два...

Мы только успеваем подбежать и замахнуться, как он резко поворачивается, а мы, вскрикнув от неожиданности и бросив пузыри, кидаемся прочь, визжа, спотыкаясь и падая. Торжествующий клоун мчится за нами, подбирая пузыри.

Цирк гремит от хохота маленьких зрителей. Деду удалось, наконец, поймать меня, и, держа под мышкой, он колотит меня пузырем так же, как мы только что били его. Эля хотела спастись бегством, но дедушка заметил ее маневр и бросился вдогонку.

Так закончилось наше антре...

Цирк переезжал из Тобольска в Барнаул. Медленно двигался караван фургонов, вдоль которого на цирковых лошадях скакали почти все мужчины труппы. А мама, Эля и я ехали в легких беговых саночках — детей сажали в них по очереди. Сейчас была наша очередь, и мы наслаждались. Мороз был страшный, но в заячьих шапках с длинными ушами, в сибирских тулупах, укутанные медвежьей шкурой, мы совсем не мерзли.

Ехали уже несколько дней, и все изрядно устали. Вечером мы должны были переправиться по льду через реку, а там, часа через полтора, деревня, а значит — привал и ужин.

На ужин нам обычно давали пельмени, их налепили в дорогу целый мешок, и они гремели в нем на морозе, как камешки.

Я первая увидела огоньки.

— Смотрите! Деревня!

Кучер, сидящий на облучке, не оборачиваясь, громко сказал:

— Не деревня это, а стая волков.

— Ну и пусть! Моя тетя ездит джигитовку и стреляет на полном ходу в цель! У тети ружье! — храбро ответила я.

— Ружье, ружье... — начал было возница, но тут раздался страшный треск, затем чей-то крик, громко заржали лошади, залаяли собаки. Это лопнул лед, на который мы только что въехали на наших саночках.

Прозвучала команда, и все наездники разом спрыгнули с лошадей. К нам полетели веревки, чьи-то руки протягивались ко мне, но санки стремительно уходили под лед. В тело проник незнакомый, мокрый холод... Я потеряла сознание.

Очнулась я оттого, что меня натирали чем-то горячим. Это был спирт, который раздобыла хозяйка на хуторе. К счастью, никто не утонул, но искупались и мы, и наши спасители основательно. Нас напоили чаем с горячим вином, укутали, и я крепко уснула.

Разбудили меня голоса.

— Ну как? — спрашивал папа.

— Воспаление легких. У всех троих. — Это говорил дедушка.

Приложив ухо к моей груди, он прислушивался к дыханию.

— Пустяки, — негромко продолжал дед, — пока доберемся до Барнаула, вся команда будет здорова.

— Безумие, — сказал кто-то, — их нужно оставить здесь, пока не поправятся.

— Здесь? В душной грязной хате? — возмутился дед. — Ни за что! Воздух! Только чистый воздух будет их лекарством!

Когда мы приехали в Барнаул, градусник и лекарства нам действительно были уже не нужны. Все трое могли спокойно работать на открытии цирка.

Как-то, собираясь утром на базар, мама спросила:

— Что вам сегодня сделать на обед?

— Поросенка с гречневой кашей, — ответили мы не задумываясь. Мама взяла корзинку и отправилась за покупками. Следом за ней побежал Дружок — приبلудная дворняга, которая везде сопровождала маму, как телохранитель.

В корзинке, которую вскоре принесла мама, сидело что-то бело-розовое с маленькими глазками и розовым пятчком.

— Амурчик! — мы бросились к корзинке и вытащили из нее поросенка. Несколько секунд он стоял в нерешительности и вдруг побежал, быстро переставляя ноги, как заводная игрушка.

Дружок, склонив голову набок, подозрительно смотрел на поросенка, но подойти не решался, а тот тем временем остановился и начал визжать. Визжал он так оглушительно, что мама тотчас вышла из комнаты, а через несколько минут появилась, неся бутылку с соской, полную молока. Она взяла поросенка на руки и стала кормить, отчего он мгновенно успокоился.

— Поросенка с гречневой кашей сегодня не будет, — философски изрек дед, глядя на маму. Она вздохнула, и они с Дружком снова пошли на базар.

Поросенок, которого мы назвали Амурчиком, стал нашей с Элей собственностью. Рос он куда быстрее, чем мы. Однажды в самом разгаре репетиции, где мы с сестрой разучивали новый танец, а папа и его брат Павлуша аккомпа-

нировали нам на гитаре и мандолине, из кухни раздался визг. Мы бросились туда. Визг доносился из глубокой ниши под печью, где обычно хранилась разная печная утварь. Уже не раз Амурчик забирался в эту нишу, но стоило нам его позвать, как он тотчас вылезал. Почему же сегодня он сидит там, визжит, а выходить не хочет? Ведь мы его зовем, зовем...

— Он стал еще толще, пока сидел сегодня в нише, — догадался дедушка, — вот и не может вылезти.

Осторожно, чтобы не повредить поросенку ноги, дед стал вытягивать Амурчика кочергой. Когда поросенок был спасен, папа сказал:

— Придется взять его в цирк.

С тех пор наш Амурчик стал жить в цирке. Дедушка смастерил для него большую клетку, в каких держат настоящих диких зверей. Днем, когда мы были на репетиции, Амурчик бегал по всему цирку, но стоило нам во время перерыва начать пить лимонад, как он появлялся откуда ни возьмись и требовал свою порцию. Пил Амурчик так же, как мы, — из стакана или просто из бутылки. Дед смотрел на это с улыбкой, а однажды сказал:

— Пришла мне в голову идея. Я сделаю с Амурчиком антре.

— Разные животные выступали на арене, но свиньи... — откликнулся кто-то из артистов. — Это же глупейшие создания!

— А вот я докажу, что они такие же умные зверюги, как и все остальные! — возразил дед.

И доказал. На одном из детских утренников на арену выбежали клоун (наш дедушка) и Амурчик. Костюм поросенка состоял из огромного зеленого банта, кокетливо завязанного вокруг бело-розовой шеи. Выглядел наш Амурчик превосходно.

Поклонившись, клоун взял шамберьер* и объявил почтеннейшей публике, что сейчас этот франт будет танцевать. Он нагнулся к Амурчику и вежливо произнес:

— Очень прошу вас показать нам свое мастерство, исполнить вальс.

Заиграл оркестр, и поросенок побежал по кругу, неуклюже поворачиваясь. Прodelав это свое па несколько раз, он приблизился к клоуну, встал на колени и низко поклонился. Раздались хохот и бурные аплодисменты малолетних зрителей. Тут на манеж вышел шталмейстер** и заявил, что однажды он видел интересный номер: лошадь отказывалась прыгать через барьер, если команду ей давал не дрессировщик.

— Но лошадь — умнейшее создание, а ваша свинья только и умеет, что вертеться, — пренебрежительно добавил он.

Дедушка очень обиделся и объявил, что согласен заключить пари с кем угодно на любую сумму, что его Амурчик будет делать все, что делает дрессированная лошадь. Шталмейстер принял вызов.

Сначала назначили огромную сумму денег, а кончили тем, что решили спорить на бутылку лимонада. На арене немедленно появились стул, поднос с бутылкой и салфетка. Дед наклонился к Амурчику и что-то шепнул ему, показав на лимонад. Шталмейстер взял шамберьер и крикнул поросенку:

— Сейчас принесут барьеры! Будешь прыгать!

Амурчик спокойно сидел, как сидят собаки, и ни на что не реагировал. Принесли барьеры, поставили по кругу,

* Шамберьер — длинный хлыст на гибкой рукоятке, применяемый дрессировщиками в цирке.

** Шталмейстер, или шпрыхшталмейстер, — ведущий циркового представления. В обязанности шпрыхшталмейстера входят объявление номеров программы, а также участие в качестве резонера в клоунских репризах.

шталмейстер дал команду «Ап!», но в это время клоун, пристально глядя на Амурчика, легонько покачал головой. Поросянок не двинулся с места.

— Почему ваша свинья сидит?! — возмутился шталмейстер.

— Свинью нужно просить вежливо, тогда она встанет, — ответил дед.

— Вежливо?

— Очень вежливо, — подтвердил клоун.

Поклонившись свинье, шталмейстер почтительно произнес:

— Прошу вас, будьте любезны.

Дед кивнул, и Амурчик, тотчас вскочив на коротенькие ножки, помчался к барьеру и остановился как вкопанный.

— Прыгай! — крикнул шталмейстер. Дед снова кивнул, и поросенок перелетел через барьер.

— Видели? Слушает мои приказания! — победоносно заявил шталмейстер.

Амурчик побежал дальше. Но перед следующим препятствием замер.

— Ап! Оп! — приказал шталмейстер, дед отрицательно покачал головой, и поросенок прополз под барьером. Так повторялось несколько раз. Наконец под общий хохот детей Амурчик подбежал к клоуну, поклонился и, уставившись на бутылку лимонада, начал требовательно визжать. Визжал он до тех пор, пока дед не напоил его сперва из стакана, а потом прямо из бутылки, предварительно подвязав этому благовоспитанному зверю салфетку.

Шли недели. Амурчик рос. Мы переезжали из города в город, и вот однажды в одном из городов у поросенка появилась весьма странная привычка: сразу после утренней

репетиции он исчезал из цирка, а днем преспокойно возвращался в свою клетку. Куда бегал Амурчик? Почему именно после репетиции? Как-то кучер рассказал нам, что видел, как поросенок мчится по дороге к цирку, неся на своем пяточке огромный калач. И дедушка решил проследить, куда это повадился наш «артист». И проследил. Когда после очередной репетиции Амурчик выскочил из клетки, дед пошел за ним. Поросенок направился прямехонько на базар, уверенно подбежал к прилавку, где на длинных палках висели калачи, поддел пяточком огромный калач и умчался под хохот и улюлюканье покупателей. Громче всех смеялась сама торговка. Дедушка подошел к ней и спросил, давно ли наш Амурчик крадет у нее калачи.

— Давнехонько, — давясь от смеха, ответила она. — Как только вы приехали, я с детьми была в цирке. А на другой день ваш артист на базар пришел. Я возьми да и повесь ему на пяточок калач, с той поры и повадился.

Дедушка вытащил деньги, чтобы расплатиться за своего партнера, но хозяйка отказалась наотрез:

— Нет, батюшка, не возьму. Уж очень смешно он их ворует. Я ведь его каждое утро поджидаю, чтобы поглядеть, как ловко он это делает.

Цирк уезжал. Амурчик, как всегда, исчез, но дед не волновался: днем явится как миленький и будет спать в своей клетке. День прошел, стемнело, а поросенка не было. Настало время грузить в вагоны животных. Там, куда заводили лошадей, уже поставили трапы. И вот все погружено, а Амурчика нет. Все, кто мог, искали поросенка по городу — безуспешно. Пора было отправляться, но дед просил не убирать трапы. Мы с сестрой плакали, у мамы глаза тоже стали красные. Прибежали папа и Павлуша и сказали, что ждать больше нельзя, придется ехать.

Вдруг раздался визг. Все насторожились. По перрону бежал грязный, «как свинья», Амурчик, на шее у него болталась веревка. Он отчаянно визжал, но, поравнявшись с вагоном, быстро взобрался по трапу, улегся на пол и мгновенно замолчал.

Вот такой это был поросенок. С гречневой кашей на гарнир!

В 1921 году мы работали в тюменском цирке. Туда же приехал на гастроли гимнаст Василий Чувелев. Не прошло и нескольких дней, как мой дядя Павлуша подружился с ним. Они были ровесники.

Шло представление. Гимнаст Чувелев вышел на арену, поднялся под купол цирка и начал свой номер. В конце номера, раскачавшись на трапеции, он всегда делал «апфельд» — как бы падал спиной, но в последний момент, расставив ноги, повисал вниз головой, раскачиваясь и держась только пальцами ног.

Трюк был эффектный, и Чувелев исполнял его великолепно. Но сегодня... Крикнув: «Ап!», гимнаст замешкался всего на одну только долю секунды — и полетел вниз, на опилки манежа.

Публика вскочила со своих мест. Кто-то кричал. С кем-то началась истерика. На арену выбежал мой дед и, наклонившись над гимнастом, приложил ухо к его сердцу, а потом пощупал пульс. Выпрямившись, он громко сказал, обращаясь к публике:

— Гимнаст жив! Просим зрителей успокоиться! Если среди вас есть врач, прошу его немедленно пройти за кулисы.

Подбежали униформисты, бережно подняли Чувелева и унесли с манежа.

Первый раз в жизни я присутствовала при несчастном случае в цирке. Все рассказы на эту тему казались мне всегда

какими-то далекими; я была уверена — у нас этого случиться просто не может, иначе я никогда не решилась бы подняться под купол.

Не знаю, как могли в тот вечер гимнасты продолжать выступление, какая сила воли заставила их побороть страх и неуверенность. Но представление продолжалось, а на конюшне мой дядя Павлуша держал голову своего друга и плакал, как ребенок.

Но вот грянул оркестр. Павлуша и папа вышли на арену, они исполняли комическое антре.

Василия увезли в больницу. Доктор сказал: жить будет, но навсегда останется инвалидом, никогда не сможет владеть правой рукой.

Из больницы гимнаст вышел через несколько недель. Ему было девятнадцать лет. Калека. Ни профессии, ни родных... На пороге больницы стоял дядя Павлуша. Не говоря ни слова, он взял Василия под руку, и оба пошли домой, в наш дом, в нашу семью.

Страдал Василий ужасно — в цирке работают все, даже крохотные дети, а он...

Мы старались отвлечь его, как могли. Чтобы Василий не скучал, когда нас не было дома, завели щеглят. К ужасу мамы, птички летали по всей квартире, а когда домой возвращался дедушка, почему-то немедленно садились ему на голову. Сначала мы с сестрой думали, что щеглята узнают его по седым волосам, но некоторое время спустя они стали садиться и на голову Василия. Только к нам — никогда! Секрет оказался простым: как только дед входил в комнату, он незаметно клал себе на голову зерно или крошки хлеба, и птицы летели кормиться.

Однажды дедушка вынул из кармана маленький мячик.

— Дай правую руку, — сказал он Василию.

Сморщившись от боли, тот протянул больную руку, поддерживая ее левой. Пальцы правой руки были совсем безжизненными.

Дедушка осторожно вложил мяч в ладонь Василия и улыбнулся:

— Вот твое спасение. Когда научишься мять мяч, будешь опять работать.

У Василия расширились глаза. Дрожащими губами он прошептал:

— Неужели вы думаете, что я...

— Я не думаю, а твердо знаю. Жми мяч! Сегодня не удастся, а через несколько недель... Жми, говорю!

У Василия по щекам текли слезы.

Перед отъездом из Тюмени Василий и дядя Павлуша выступали в том же цирке, где произошел несчастный случай. На одном конце горизонтальной лестницы стоял Василий, на другом висела трапеция. Работал на ней Павлуша, а Василий стоял пока вместо баланса. Но в конце номера оба партнера ложились плашмя на лестницу и она начинала вертеться. Придумал этот номер мой дед.

А через год Василий участвовал в нашем полете «Шесть чертей».

Я очень любила смотреть, как репетирует папа. В перерыве он обычно подзывал меня к себе, я выбегала на манеж, папа спрыгивал с лошади, сажал меня и крепко держал, чтобы я не упала. Дедушка брал лошадь за уздечку, и несколько минут меня катали по кругу. Потом дед снимал меня с лошади и говорил:

— А теперь поклонись публике.

И я делала реверанс перед артистами, которые сидели вместо зрителей.

Но однажды папа надел на меня лонжу* и сказал, что сегодня мы будем кататься вместе. Он посадил меня на своего Орлика, быстро вскочил сам, обнял меня и дал какой-то сигнал дедушке. Дедушка взял шамберьер и повернулся к артистам:

— Сегодня, многоуважаемая публика, — объявил он, — лошадь будет бежать, а Янечка, смелая наездница, — сидеть вместе с папой. Смотрите — ей совсем не страшно!

Я очень испугалась, но после дедушкиного анонса стыдно было в этом признаться. Орлик пошел тихим галопом, а я сидела, затаив дыхание от страха и восторга. Проехав несколько кругов, папа неожиданно встал и поставил на ноги меня. Раздались аплодисменты — артисты усердно хлопали, чтобы придать мне куражу.

— Помаши публике ручкой! — крикнул дедушка, и я послушно помахала.

— А теперь, почтеннейшая публика, — сказал папа, — я поставлю Янечку себе па плечи!

Не успела я опомниться, как уже стояла у него на плечах. В ушах свистел ветер, я никого и ничего не видела, но вдруг услышала громкие аплодисменты и опять помахала ручкой — не зная кому и зачем, но помахала. Тут папа быстро снял меня с плеч и поставил себе на колено, держа только за пояс-лонжу. И шепнул:

— Вытани правую ножку и ручку. Это очень красивая поза. Публике понравится. Ап!

Зрители устроили овацию. Ну как тут признаешься, что тебе страшно?

Наконец Орлик остановился, к нам подошел дедушка, взял меня на руки, поставил на опилки и быстро снял лонжу. А зрители хлопали, не щадя рук. Мне было очень

* Лонжа (от фр. longe — аркан, веревка) — приспособление, страхующее артистов во время исполнения опасных трюков.

весело, и я сама, по собственной инициативе, сделала реверанс и убежала на конюшню. Но публика все аплодировала и кричала «бис», тогда папа взял меня за руку и мы вместе вышли на арену кланяться.

Так прошла первая репетиция. А через несколько дней состоялся мой дебют наездницы

Вот как это было.

Перед началом вечернего представления мама надела на меня вишневые бархатные штанишки и шелковую рубашку, а на голове повязала огромный бант. Папа был в таком же костюме, только без банта. В гардероб вошел дедушка и сказал:

— Вам пора.

Папа взял меня за руку, и мы пошли к выходу на арену. У занавеса нас уже ждал Орлик. Он был причесан шашечками, и кучер, глядя его, что-то тихо шептал ему на ухо. «Интересно, что он ему шепчет? — подумала я. — Наверное, чтобы Орлик хорошо себя вел».

Оркестр вдруг заиграл что-то очень знакомое, а я все еще думала, что же может кучер шептать Орлику. Между тем занавес раздвинулся, Орлика повели на арену, а я так была занята своими мыслями, что даже не успела испугаться. Папа взглянул на меня, улыбнулся и подмигнул — мол, «держишь, казак».

«Казак» в тот день не было и четырех лет...

Мы выбежали на арену. Все было так же, как на репетиции. Только устрашающе шипели большие кренгельские лампы. И много, много публики.

На арене мне было очень весело. Все шло гладко до самого конца. Но когда папа поставил меня себе на плечи и я должна была послать публике воздушный поцелуй, Орлик вдруг споткнулся, я выскочила из папиных рук... И вот

Яня и Эля Жеймо

я лечу на лонже по кругу. Среди публики кто-то пронзительно вскрикивает, и тут же в оркестре вступает барабан. Я лечу под барабанную дробь, перед глазами, свирепо шипя, мелькают лампы и — лица, лица, лица...

Постепенно я стала опускаться на манеж. Увидев дедушку, я протянула к нему руки, зная, что уж он-то меня поймает. Номер кончился. Я сделала реверанс, и мы с папой убежали с манежа. Публика вызывала нас бесконечное количество раз, и мы выходили раскланиваться, будто номер прошел идеально.

— Ну как? — спросил папа, когда мама переодевала меня после представления.

— Придется менять штанишки, — со вздохом отвечала она.

В цирк привели лошадь необычайной красоты — темно-рыжую, толстую, в бежевых пятнах, а хвост и грива — как спелая рожь. Звали лошадь Вовой, ее купил у пожарной дружины мой отец.

Началась дрессировка. Лошадь оказалась умной и на редкость понятливой, так что через несколько дней ее уже выпустили на арену. Ее круп был буквально как стол, так что очень удобно оказалось, надев на нее седло и стоя на нем, жонглировать.

Но однажды во время своего номера лошадь услышала, как на пожарной каланче ударили в набат. Где-то был пожар. Недолго размышляя, она сбросила наездника, перепрыгнула через барьер и умчалась. Ошарашенный наездник остался на манеже, не зная, что делать. Потоптавшись, он вынужден был покинуть арену. Все униформисты, как по команде, побежали за Вовой.

Вскоре они вернулись, но лошади с ними не было. Только мой папа догадался, где нужно искать Вову. И не ошиб-

ся: мы нашли ее на пожаре. Горел двухэтажный дом, а рядом неподвижно, как памятник, стояла наша лошадь. Она вдыхала знакомый запах, ноздри ее нервно шевелились.

Когда огонь потушили и пожарная команда уехала, мы с Вовой преспокойно вернулись в цирк.

Вскоре мы уехали из этого города. Папа надеялся, что на новом месте Вова забудет о своей «пожарной карьере» и будет принадлежать только цирку. Но не тут-то было. Во всех городах, стояло нашей лошади услышать звук набата, как она немедленно сбрасывала седока и неслась на работу — на пожар. Как находила она место пожарища? Это оставалось загадкой. Так или иначе из-за этих штучек лошадь становилась для нас опасной. Ведь если с ней работал взрослый наездник, еще куда ни шло. Ну а если ребенок?

Однажды в цирке вспыхнул пожар и началась страшная паника. В открытую дверь выскакивали собаки, артисты выводили лошадей, выносили реквизит, спасали костюмы. А лошадь не стала ждать, пока ее выведут, — разорвав веревки, которыми она была привязана к стойлу, выбила копытами дверь и выбежала на улицу. Стоя возле цирка, она с удовольствием наблюдала за пожаром.

Мы поняли: цирк для Вовы — только работа, а пожары с их набатом — истинное призвание и страсть. И папа продал красавицу-лошадь в каком-то городе пожарной команде.

Я уже говорила, что мой дед всю жизнь работал в цирке. Он любил рассказывать нам разные истории, вот одна из них:

Цирк гастролировал в небольшом провинциальном городе. Сборы падали, и директор в конце концов перестал платить артистам жалованье. Труппа жила в гостинице, почти у всех были семьи, только мой дед, тогда еще молодой человек, оставался холостяком.

Однажды на рассвете его разбудил громкий стук в дверь. Дед не успел отозваться, как в номер вошел незнакомый человек и резко спросил:

— Это вы изволите быть Вацлавом Мартыновичем Жеймо?

— Я... — ответил дедушка, еще не совсем очнувшись от крепкого сна.

— Хозяин гостиницы просит вас немедленно спуститься к нему в кабинет, дело не терпит проволочки. — И незнакомец вышел из номера, громко хлопнув дверью.

«Что могло случиться?» — с недоумением думал дед, одеваясь. Войдя в кабинет хозяина гостиницы, он застал того сидящим в кресле. Выражение лица его ничего хорошего не предвещало.

— Садитесь, молодой человек, — сурово предложил хозяин деду и надолго замолчал. Наконец он произнес: — Вот что, милостивый государь. Вам доверена почетная миссия — заплатить весь долг за гостиницу, где жили ваши друзья. Вы удивлены? Вы ничего не знаете? Будто? Ну-с, так вот: сегодня ночью вся ваша великолепная труппа удрала-с. А вас оставили как заложника. Бежать вам не удастся — проспали-с!

Дед сидел как громом пораженный, не в силах вымолвить ни слова.

— Итак, — продолжал хозяин, — либо вы заплатите все деньги сполна... — тут он сделал многозначительную паузу, — либо я вас упеку в каталажку. В кутузку-с. Понятненько?

Нависла гнетущая пауза. Дед лихорадочно соображал: «Очевидно, шарлатан-директор сказал артистам, что оставил мне деньги. Они поверили и... Но что теперь делать? Продать нечего, кроме реквизита и костюма, но без них артист обречен на голодную смерть. Как же быть? А что, если...»

Наконец он уверенно произнес:

— Завтра я непременно заплачу вам весь долг. Сполна.

— Ах вот как? Почему ж именно завтра? — с иронией спросил хозяин.

— Деньги у меня будут только завтра, — твердо сказал дед.

— Завтра так завтра... поглядим-посмотрим-с...

— А сегодня, — продолжал дед, — я прошу вас отпустить меня. Мне нужно немедленно переговорить с губернатором. В залог я оставляю наипценнейшую свою вещь — реквизит.

— Что ж... — подумав, решил хозяин, — идите. Только уж не обессудьте — до дома губернатора вас проводят мои люди.

О чем дед говорил с губернатором, он нам не рассказывал. Важно другое: на следующее утро, когда город проснулся и люди вышли на улицы, они увидели, что над площадью, где недавно стоял цирк, протянута металлическая проволока, одним концом привязанная к крыше трехэтажного деревянного дома, а другим — к более высокой крыше гостиницы. В центре площади, под самой проволокой, стоял, притоптывая замерзшими ногами, оркестр пожарных. Мороз был лютый, но толпа любопытных все росла и росла.

Оркестр грянул бравурный марш, и на крыше трехэтажного дома вдруг появился человек. Сбросив шубу, он остался в трико. Черные волосы его развевались на ветру. Зрители, как по команде, подняли головы.

Подтянув к себе огромный шест, прислоненный к канату, смельчак взял его в руки и осторожно ступил на проволоку. Оркестр замолчал. Наступила мертвая тишина. Канатоходец сделал шаг и остановился, потом шагнул еще раз, опять постоял, балансируя шестом, и вдруг решительно пошел по проволоке к крыше гостиницы. Дойдя почти до ее края, он бросил шест и осторожно сел на канат, затем лег и, полежав несколь-

ко секунд, снова сел. Мороз усиливался. Вокруг канатоходца клубился густой пар. Казалось, это дым обволакивает его.

Неожиданно для зрителей артист сорвался и повис на проволоке, держась за нее руками в белых перчатках. Секунду повисев так, он зацепился за канат ногами, как на салазках, поехал вдоль него назад и вскоре оказался на крыше дома.

Грянул оркестр. Публика кричала, пораженная и восхищенная, на плед, расстеленный прямо на площади, летели деньги.

Никем не замеченный, канатоходец спустился по лестнице, вышел из дома, сел на извозчика и отправился прямо к губернатору.

Когда молодой артист вошел в кабинет губернатора, тот усадил его в кресло.

— Может быть, сначала горячего чаю, а уж потом дела? — весело спросил губернатор.

— Если не откажете, сначала стопку коньяку.

Выпив коньяк залпом, дед мгновенно уснул. Сколько времени он проспал, неизвестно, но, когда проснулся, на столе рядом с ним лежала груда денег.

— Проснулись? Вот и отлично, — послышался голос губернатора, — а это, — губернатор показал на деньги, — это все принадлежит вам, отважный человек! Скажите, сколько лет вы исполняете ваш опасный номер?

— Этот номер? — усмехнулся дед. — Впервые в жизни!

Губернатор медленно опустился в кожаное мягкое кресло.

— Если бы я знал раньше, ни за что не допустил бы такого безумия.

Молодой артист промолчал.

— Скажите... — вдруг с неожиданной робостью произнес губернатор, — а какого цвета были ваши волосы?

— Почему же были? — расхохотался дед. — Меня в шутку цыганом называют. Черные!